

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1949, том VIII, вып. 1

январь — февраль

В. А. АВРОРИН

О КАТЕГОРИЯХ ВРЕМЕНИ И ВИДА В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Прежде чем приступить к изложению вопроса о соотношении грамматических категорий времени и вида в маньчжурском языке, следует условиться о пользовании некоторыми необходимыми для настоящей темы элементарными грамматическими терминами. Начинать с такого, бесспорно, второстепенного вопроса приходится потому, что недоговоренность и разноречивость в употреблении терминов вызывают бесплодные дискуссии, длительность и ожесточенность которых оказываются нередко обратно пропорциональными их пользе для науки.

Грамматические термины — не больше как условные обозначения отдельных грамматических категорий. Естественно поэтому, что, говоря о терминах, мы неизбежно думаем прежде всего о тех категориях, которые ими обозначаются. В конце концов дело, конечно, не в терминах. Всякий термин хорош, если он реально необходим и строго ограничен в своем употреблении. Гораздо важнее, хотя и значительно труднее, при определении каждого вновь наблюдаемого в том или ином языке грамматического явления трезво и совершенно объективно решить вопрос — покрывается ли исследуемая категория со всеми ее деталями и вариантами той или иной общеязыковой категорией, получившей характер грамматического „эталона“ в результате длительного изучения грамматического строя многочисленных языков самых различных систем. Сначала должен решаться этот требующий глубокого проникновения в существо дела вопрос, и только вслед за ним можно решать вопросы терминологии. Обратный порядок принципиально недопустим.

Мне придется оперировать в первую очередь следующими тремя терминами: „глагол“, „время“ и „вид“. Границы языковых категорий, обозначаемых этими терминами, я и считаю своим долгом определить хотя бы самым приблизительным и схематическим образом. Под „глаголом“ я разумею особую лексико-грамматическую категорию, иными словами, часть речи, основанную на диалектическом единстве трех моментов: во-первых, лексического — глагол обозначает действие-состояние; во-вторых, синтаксического — глагол монофункционален, он может быть только сказуемым; в-третьих, морфологического — каждая грамматическая категория глагола имеет свои специфические формально выраженные признаки. Термином „время“ я буду обозначать грамматическую категорию, выражающую представление об отношении момента совершения действия к моменту речи. Термином „вид“ я буду обозначать грамматическую категорию, выражающую представление о том или ином характере протекания действия.

Я даю себе полный отчет в том, что эти определения слишком общи, не полны и, может быть, даже несколько примитивны, но для узких целей настоящей статьи они мне кажутся пригодными.

В среде маньчжуристов принято считать — здесь я могу сослаться хотя бы на не превзойденную до сих пор „Граматику маньчжурского

языка“ проф. И. Захарова (СПб., 1879), — что глагол в маньчжурском языке имеет шесть наклонений: изъявительное, повелительное, условное, уступительное, желательное и сослагательное — и что наряду с этими наклонениями в состав категории глагола входят причастия и деепричастия. Исходя из общего определения „глагола“, о котором было сказано выше, я считаю нужным выделить причастия и деепричастия в самостоятельные, хотя и близкие к глаголу, лексико-грамматические категории. Приведенный выше перечень наклонений также требует некоторых уточнений. Сослагательного наклонения как особой грамматической категории маньчжурский глагол не имеет. Его следует из этого перечня изъять. В то же время необходимо пополнить перечень еще одним наклонением — наклонением опасения, которое проф. И. Захаров включил в сослагательное наклонение в качестве одной из его частных форм. Наклонение это характеризуется показателем *-раху*.

Анализ форм наклонений маньчжурского глагола убеждает в том, что изъявительное (прямое) наклонение является наиболее поздним, еще не вполне установившимся, тогда как прочие (косвенные) наклонения уже вполне отстоялись. Об этом свидетельствует прежде всего то, что все формы изъявительного наклонения составные, состоящие, как мы увидим ниже, из деепричастных или причастных форм в сочетании со вспомогательным глаголом, причем эти составные элементы далеко еще не срослись окончательно.

Считается, что изъявительное наклонение маньчжурского глагола имеет три основных времени: прошедшее, настоящее и будущее. В действительности же, как это нетрудно заметить даже при внимательном изучении одной только „Грамматики“ проф. И. Захарова без обращения к текстам, маньчжурский глагол не имеет категории будущего времени в прямом смысле слова. Для обозначения будущего действия, совершение которого зависит от воли говорящего, в совершении которого говорящий так или иначе заинтересован, обычно употребляется глагол желательного наклонения (показатель *-ки*), переводимый на русский язык то инфинитивом с глаголами желания или намерения, то повелительным наклонением, то будущим временем изъявительного наклонения.

Прошедшим временем глагола чаще всего именуется причастные формы в предикативном употреблении. Впрочем, в маньчжурском языке имеется и чисто глагольная форма прошедшего времени, возникшая двумя различными путями: 1) путем сращения причастия прошедшего со вспомогательным глаголом *би* 'быть', 'являться', 'существовать', 'находиться', например *ара-ха би* 'писание совершенное есть' или 'написавший есть', что при слиянии дает *арахаби* 'написал'; 2) путем сращения деепричастия несовершенного с причастием прошедшим от того же вспомогательного глагола *ара-мэ би-хэ* 'пиша был', что при слиянии дает *арамбихэ* 'написал'. Эти две формы обозначают действия-состояния, употребляются исключительно в роли сказуемых законченных предложений и имеют свои специфические, хотя и не вполне устоявшиеся, формальные признаки. Это дает право считать их чисто глагольными формами прошедшего времени изъявительного наклонения. В пределах этого наклонения они противопоставляются так называемому „настоящему времени“ глагола, представляющему собою, по утверждению проф. И. Захарова, результат сращения деепричастия несовершенного с тем же вспомогательным глаголом *би*, напр.: *ара-мэ би* 'пиша пребывает', что при слиянии дает *арамби* 'пишет'.¹

¹ Личных показателей в маньчжурском языке нет, поэтому этот глагол, как и всякий другой, за исключением повелительного наклонения, может относиться ко всем трем лицам обоих чисел.

Форма так называемого „настоящего времени“ на *-мби* может быть наименована так лишь условно. Она обозначает всякое реальное (в отличие от косвенных наклонений) действие, мыслимое как не окончившееся к моменту речи, т. е. начатое и не оконченное или еще не начатое, но такое, осуществление которого не вызывает у говорящего сомнений и не зависит от его воли. Последнее обстоятельство отличает ее от упоминавшегося выше желательного наклонения, которое также обозначает будущие действия.

Таким образом изъявительное наклонение маньчжурского глагола имеет две соотносительные между собою формы: 1) форму на *-хаби* или *-мбихэ*, обозначающую действия-состояния, окончившиеся к моменту речи, и 2) форму на *-мби*, обозначающую действия-состояния, не окончившиеся к моменту речи. Это позволяет утверждать, что изъявительное наклонение маньчжурского глагола имеет два времени: прошедшее и настояще-будущее. Форма на *-хи*, т. е. желательное наклонение, именуемое обычно „будущим временем“, не может входить равноправным членом в систему времен изъявительного наклонения, так как она по самой своей природе имеет ярко выраженный модальный оттенок желательности, что и не позволяет ставить ее в один ряд с двумя временами глагола, а, наоборот, настоятельно требует помещения ее в ряд косвенных наклонений.

Отмеченное выше для изъявительного наклонения глагола противопоставление окончившегося действия-состояния неокончившемуся наблюдается и в маньчжурском причастии, которое принято делить на причастие прошедшего времени и причастие настоящего времени.

Причастием в грамматиках маньчжурского, как и многих других в той или иной мере родственных ему языков, принято называть особую часть речи, семантически чрезвычайно близкую к глаголу, но синтаксически и морфологически резко от него отличающуюся. Применение к ней термина „причастие“ оправдывается лишь тем, что по некоторым своим свойствам она сходна с причастиями европейских, в частности русского, языков. Наиболее характерным для нее признаком является исключительная, можно сказать максимальная, полифункциональность в синтаксическом отношении. Она способна выступать в роли буквально любого члена предложения даже без характерной для русских причастий в целом ряде подобных случаев субстантивации.

Чаще всего причастие употребляется в роли определения, напр.: *арара нялма* 'пишущий человек', *араха нялма* 'написавший человек', *нялма (и) араха битхэ* 'человеком написанное письмо', *нялма битхэ бэ арара эринь* 'время, в которое человек пишет письмо', досл.: 'человек письмо пишет время', *нялма битхэ бэ арара тургунь* 'причина, по которой человек пишет письмо', досл.: 'человек письмо пишет причина', *битхэ (бэ) хулара боо* 'дом, в котором читают книгу (учатся)', досл.: 'книгу чтение дом' и т. д. Как видно, даже в атрибутивном употреблении маньчжурское причастие значительно шире русского. Оно обозначает признак предмета по действию, не только им самим или над ним производимому, но и всякому вообще действию, так или иначе связанному с этим предметом. Причастие может быть сказуемым, напр.: *нялма араха* 'человек написал', *нялма арара* 'человек пишет или будет писать'. Может быть обстоятельством, напр.: *нялма (и) арара дэ досикаби* 'вошел во время писания человека', досл.: 'человека во время писания вошел'. Может быть дополнением, напр.: *сини чжихэ бэ сахаби* 'о твоём прибытии узнал', *нялма и сэхэ бэ доньчихаби* 'услышал то, что сказал человек', досл.: 'человеком сказанное услышал', *мудури дидэрэ дэ гэлэмби* 'боится приближения дракона', досл.: 'дракона приближением боится'. Теоретически допустимо употребление причастия и в роли подлежащего. Так, например, можно сказать: *сини сэхэ мин дэ ичанга* 'тобою сказанное мне приятно',

хотя обычно причастия в субъектном употреблении приобретают особый субстантивирующий формант *-нэ*.

Таким образом знак равенства между маньчжурским „причастием“ и тем представлением об этой грамматической категории, которое сложилось у нас в результате изучения главным образом индоевропейских языков^в поставлен быть не может. Насильственное отождествление их, по-моему, может вызвать только путаницу. Обрисованная выше полифункциональность маньчжурских причастий заставляет отнести их к категории имен, в которой они, как и все прочие разряды имен, занимают особое место. Их противопоставление остальным именным категориям определяется только их лексической природой, точнее говоря, — их общей, категориальной, семантикой. В отличие от всех прочих имен, они обозначают не предметы и не их признаки, а действия-состояния. На этом основании я склонен именовать эту часть речи не причастием, а именем действия.

Маньчжурские имена действия в отношении категорий „времени“ дают в основных чертах ту же картину, что и имена действия в наиболее близком к маньчжурскому, нанайском, языке. В своей работе „О категориях времени и вида в нанайском языке“, написанной в 1940 г. и опубликованной в сокращенном виде в XI выпуске сборника „Язык и Мышление“, я ставил своей задачей показать, что имена действия в нанайском языке не обладают грамматической категорией времени и то, что принято называть их настоящим и прошедшим временами, есть по сути дела категории основных для этого языка видов: неокончательного, обозначающего действие-состояние, мыслимое как не имеющее конца, и окончательного, обозначающего действие-состояние, мыслимое как имеющее конец.

Анализ материалов маньчжурского языка, связанных с этой проблемой, привел меня к убеждению, что и здесь мы имеем дело с тем же самым различием имен действия не по временам, а по видам, связанным с тем же, что и в нанайском языке, представлением об оконченности или неоконченности действия-состояния. Видовая природа этих двух форм имени действия наименее отчетливо выявляется тогда, когда они выражают сказуемое, ибо в этом случае представление об оконченности или неоконченности действия неизбежно переплетается с отношением между моментом совершения этого действия и моментом речи, т. е. с чисто временным отношением, и даже, я бы сказал, подавляется им. В самом деле, когда мы говорим *нялма битхэ бэ араха* 'человек письмо написал (писал)', то формантом *-ха* в сказуемом отмечаем, что действие человека окончено. Но раз оно окончено, естественно задать вопрос: к какому моменту закончено это действие? Такого типа простое предложение дает нам соотношение максимум двух моментов, о которых я только что говорил, — момента совершения действия и момента речи. В приведенном предложении действие мыслится говорящим как оконченное. Это, по сути дела, видовое значение, так как внимание наше обращается на характер действия. Но, поскольку обозначающее действие слово попало в предикативную позицию, здесь, во всяком случае для нас, русских, возникает представление о соотношении между моментом действия и моментом речи, и предикативное имя действия приобретает, — опять-таки, может быть, только для нас, русских, — новый оттенок значения, способный занять главенствующее положение, оттенок значения временного. В аналогичном русском предложении мы этого не наблюдаем по той простой причине, что русские совершенный и несовершенный виды глагола отражают не столько оконченность действия, сколько его результативность. Законченное действие с точки зрения говорящего по-русски должно быть или результативным, или нерезультативным: *написал* и *писал*. Поэтому здесь невозможно такое переплетение видовых значений с временными, которое возникает в маньчжурских именах действия в случае предикативного их употребления.

Совершенно иначе обстоит дело, когда имя действия играет роль какого-либо из второстепенных членов предложения. Здесь мы вправе было бы ожидать появления третьего момента, соотносительного с первыми двумя, установленными выше, т. е. здесь, казалось бы, должны присутствовать: момент речи и относящиеся к нему момент совершения главного действия и момент совершения второстепенного действия. Это мы и наблюдаем в русском сложноподчиненном предложении, хотя бы в таком, как *когда ты говоришь, я слушаю* или *когда ты говорил, я слушал*, при невозможности для русского языка таких построений: *когда ты говорил, я слушаю* и *когда ты говоришь, я слушал*. Времена сказуемых как главного предложения, так и придаточного зависят в равной мере от момента речи, вернее, от того, в каком отношении моменты совершения этих действий находятся к моменту речи. В маньчжурском языке дело обстоит совсем не так. Переведем два этих русских предложения на маньчжурский язык: *си(ни) алара дэ би дончжимби* 'при твоём говорении я слушаю' и *си(ни) алара дэ би дончжихаби* 'при твоём говорении я слушаю'. Несмотря на изменение отношения моментов совершения обоих действий к моменту речи, имя, обозначающее второстепенное действие (*алара дэ*), осталось без изменения: оно в обоих случаях имеет форму так называемого „настоящего времени“. Можно, конечно, это имя действия употребить и в форме так называемого „прошедшего времени“, но при этом произойдет несколько неожиданное изменение смысла: *си(ни) алаха дэ би дончжимби* будет значить: 'после того, как ты сказал, я слушаю' или '... буду слушать', а *си(ни) алаха дэ би дончжихаби* должно быть понято только как 'после того, как ты сказал, я слушал'. Здесь мы уже не находим даже намека на отношение момента совершения второстепенного действия к моменту речи. В чем же здесь дело? Мне кажется, дело только в том, что категория времени не имеет никакого отношения к обозначающему второстепенное действие имени. Произнося подобные фразы, маньчжур давал второстепенному действию лишь видовую характеристику. Ему казалось важным установить лишь одно: с окончанным действием он имеет дело или с неоконченным. Другими словами, здесь находят свое выявление те же окончательный и неокончательный виды, что и в нанайском языке.

Весьма показателен порядок сочетания имен действия с послелогом *мани* 'после того, как...' и *онголо* 'до того, как...'. Первый из них может следовать только за именами действия в „прошедшем времени“, а второй — только за именами действия „в настоящем времени“. Например: *си битхэ бэ араха мани. би тэрэбэ унихэби* 'ты письмо после того, как написал, я его послал'. Изменение времени сказуемого никак не отражается на форме интересующего нас словосочетания *си битхэ бэ араха мани. би тэрэбэ унимби* 'после того, как ты написал (напишешь) письмо, я его посылаю (пошлю)', хотя маньчжур, говоря так, мог иметь в виду, что письмо это к моменту речи еще и не было написано. Русскую фразу *когда напишу, пошлю* — нельзя перевести иначе, как *араха мани унимби (уники)*. Очевидно, что никакой временной категории в этом имени действия (*араха*) нельзя усмотреть даже при самом большом на то желании. Примеры с послелогом *онголо*: *си битхэ бэ араха онголо би тэрэ бэ самби* 'ты письмо прежде чем пишешь (напишешь), я это узнаю' и *си битхэ бэ араха онголо би тэрэ бэ сахаби* 'ты письмо прежде чем пишешь (написал), я это узнал'. Опять-таки время сказуемого никак не влияет на форму интересующего нас словосочетания. Следовательно и в этом употреблении имени действия *араха* никак нельзя обнаружить категории времени в подлинном смысле слова. В чем же опять дело? Дело в том, что мы употребляем послелог *мани* тогда, когда главное действие следует после конца второстепенного, а послелог *онголо* —

когда главное действие предшествует концу второстепенного действия; именно концу, а не началу, так как, говоря *арара онголо* 'прежде чем написал', вполне можно иметь в виду, что действие 'писания' уже началось. Важно не начало, а конец. В первом случае — с *манни* — конец действия наличествует, а во втором случае — с *онголо* — конец еще не наступил. Следовательно, здесь опять все дело сводится к оконченности или неоконченности второстепенного действия. Опять несомненно присутствие окончательного и неокончательного видов.

Выяснив видовую природу имен действия в роли второстепенных членов предложения, мы получаем возможность по-новому подойти и к вопросу о времени имен действия в предикативной позиции, а также и изъявительного наклонения глагола. И то, и другое имеют по два одинаковых времени: прошедшее и настояще-будущее. Первое из них обозначает действие-состояние, окончившееся (имеющее конец) к моменту речи, а второе обозначает действие-состояние, не окончившееся (не имеющее конца) к этому моменту. Поскольку во всех остальных синтаксических позициях момент речи не играет решительно никакой роли для характеристики обозначенного именем действия, а здесь, в позиции сказуемого, он играет такую роль лишь потому, что это вызывается самой синтаксической позицией, мы вправе, мне кажется, в чисто исследовательских целях отвлечься от этого момента, т. е. от момента речи. В этом случае перед нами неизбежно окажется уже знакомое нам представление о безотносительной к чему бы то ни было оконченности или неоконченности как характерном признаке действия-состояния. Какая же грамматическая категория способна отразить в речи это представление? Категория времени? Или категория вида? Мне кажется, что только вторая. В этом мы опять-таки видим проявление категорий окончательного и неокончательного видов.

Однако этим далеко еще не разрешается проблема времени и вида в предикативных именах действия и глаголах. Небольшой лингвистический эксперимент, произведенный выше, помог нам заглянуть в глубь интересующего нас явления, а никак не разрешить вопрос о „современном“ состоянии дела.¹ „Современное“ состояние дела характеризуется тем, что окончательный и неокончательный виды глагола и имени действия обнаруживают в предикативной позиции совершенно отчетливо выраженную тенденцию к переосмыслению в категории прошедшего и настояще-будущего времен. Причины, породившие эту тенденцию, мне кажется, ясны из предыдущего изложения. Вполне естественно, что у глагола, который только в предикативной позиции и употребляется, этот процесс зашел значительно дальше, чем у имен действия.

Таким образом видо-временная система маньчжурских имен действия и глаголов мне представляется в следующем виде.

1) Имена действия категории времени не имеют, но имеют два основных вида — окончательный (показатели: *-ха, -хэ, -хо; -ка, -кэ, -ко; -нка, -нкэ, -нко*) и неокончательный (показатели: *-ра, -рэ, -ро*), связанные с представлением об оконченности или неоконченности действия, но никак не о его результативности.

2) При предикативном употреблении имен действия эти виды проявляют тенденцию к превращению в категории прошедшего и настояще-будущего времен, однако временами в полном смысле слова еще не становятся.

3) Изъявительное наклонение глагола обладает категориями времен: прошедшего (показатели *-хаби, -хэби* и *-мбихэ*) и настояще-будущего (показатель *-мби*), которые развились из категорий окончательного и не-

¹ „Современное“ я вынужден взять в кавычки, так как мы имеем дело преимущественно с памятниками маньчжурского письменного языка XVII—XIX вв.

окончательного видов и до сих пор полностью не порвали еще с ними своей генетической связи.

4) В значении будущего времени при наличии модального оттенка желательности может употребляться форма желательного наклонения (показатель *-ки*), которая, повидимому, также начинает переосмысляться в этом употреблении в чисто временную категорию.

Двучленная в своей основе система времен изъявительного наклонения маньчжурского глагола, частично вовлекая в свою сферу желательное наклонение, обнаруживает, как мы видим, стремление превратиться в трехчленную с временами: прошедшим, *настояще-будущим* (определенным) и *будущим* (желательным).

Помимо подвергнутых анализу основных видов (окончательного и неокончательного), вне которых не мыслимо ни одно имя действия, маньчжурский язык имеет богатую систему второстепенных видов (длительности, краткости, многократности, постоянства действия и т. п.), которые можно считать факультативными. Их я в настоящей статье не касаюсь, так как они не имеют никаких связей с категорией времени и, больше того, не могут даже считаться соотносительными с категориями основных видов. Упомянул я о них лишь для того, чтобы не вызвать ложного впечатления о бедности маньчжурского языка в отношении глагольных видов, что явно противоречило бы действительному положению дела.
